

отсутствием имени Рюрик среди «княжих» имен XI и первой половины XII в., безоговорочно исключает этого легендарного родоначальника из числа действительно возможных. Зато весь интерес подобных поисков сразу же переносится на грандиозную фигуру Олега, без имени которого, в противоположность Рюрику, не обходилось почти ни одно поколение Рюриковичей XI—XIII вв., и даже в XV в. не обошелся последний вообще носитель «княжих» имен, Олег Иванович Рязанский. Его историчность, при наличии договора 911 г., тоже вне сомнений. Исторична, с другой стороны, и княгиня Ольга: ее пребывание в Константинополе в 955 г. засвидетельствовано Багрянородным. И вот, если оставить пока в стороне не только Рюрика, но и возводимого к нему генеалогически Игоря, а все внимание сосредоточить на Олеге и Ольге, то не может не броситься в глаза сразу же поразительное во всех отношениях сходство этих двух княживших в Киеве первой половины X в. лиц: созданная Олегом племенная федерация с «матерью городов» в центре расширяется и внутренне организуется походами и «уставами» Ольги; одинаково независимы у обоих отношения с Византией: оба одинаково «хитры»; оба овеяны легендарным преданием со скандинавскими параллелями; оба носят, наконец, одно и то же имя: Ольга — форма женского рода от древней формы мужского, с глухим гласным: Ольг, Олег. Вспомним подобное же сходство имен — мужского и женского — в другом, почти одновременно возникшем княжеском центре — в Полоцке: имя Рогнежь — однокоренное с отцовским именем Рогволод. На «теснейшую родственную связь» Ольги с Олегом уже указывалось, например, В. А. Пархоменко.¹² Признать, действительно, Ольгу за дочь Олега не мешает хронология — крестившаяся в преклонном возрасте в 955 г. Ольга вполне годится в дочери заключившему в 911 г. с греками договор Олегу. Но если надо, в самом деле, признать Ольгу дочерью Олега, а его самого — подлинным родоначальником пошедших от нее киевских князей, то как, спрашивается, объяснить умолчание о столь простых и незабываемых, казалось бы, фактах, в нашей Начальной летописи? И зачем вместо них понадобилась ей хитросплетенная путаница с родством Олега и Рюрика, Игоря и Олега? Одним «норманизмом» летописца вопрос этот, как сразу видно, не разъясняется: в династы варяжского происхождения годился ведь и Олег, с гораздо меньшим притом насилием над фактами, чем полувывымышленный Рюрик. Но в том-то и дело, что руководящей тенденцией нашей летописи на всем протяжении XI в. было стремление если не обойти совсем, то по возможности снизить историческую роль Олега. В этом бесспорно убеждает сопоставление реконструированных А. А. Шахматовым летописных сводов: Древнейшего (1039 г.) и Начального (1095 г.) — с возникшей из них «Повестью временных лет».

Те три эпизода, из которых слагается общеизвестный рассказ летописи об Олеге: захват хитростью Киева, поход на Царьград и смерть от укрывшейся в конской голове змеи — были внесены в летопись, как выяснил А. А. Шахматов, далеко не сразу. Древнейший и Начальный своды из трех эпизодов знали только два первых. В Древнейшем своде Олег выступал в качестве самостоятельного князя, без всяких указаний на родство с Рюриком и Игорем, как завоеватель Киева, сам и севший там княжить; наконец, как покоритель Византии, возвратившийся после победы над нею в Киев, «несы злато и паволоки и вино и овсць и всяко узорочие». «И прозваша и (его) Олег веший, — говорит летописец, — бяху бо людие погани и невегласи». Укорительной этой сентенцией по

¹² См.: В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава, 1913, стр. 104.